

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026319-6

“Кругом сумасшедшие”: тема всеобщего безумия в “Докторе Крупове” А. И. Герцена и “Записках из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского

© 2023 г. Ми Сюйян

Аспирант Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
mixuyang@hotmail.com

Резюме. В “Записках из Мертвого дома” Достоевского влияние Герцена сказывается не только в их мировоззренческой основе, но и в художественных деталях. Изображение в них всеобщего безумия напоминает некоторые мысли из психиатрического трактата героя повести Герцена “Доктор Крупов”. Вопреки представлениям Герцена о детерминизме среды Достоевский видит в безумии проявление подавленной личности. Тем самым он продолжает свою борьбу с теорией среды, начатую им уже в “Бедных людях”.

Ключевые слова: Достоевский, Герцен, почвенничество, натуральная школа, детерминизм среды, безумие, сумасшествие.

Для цитирования: Ми Сюйян. “Кругом сумасшедшие”: тема всеобщего безумия в “Докторе Крупове” А.И. Герцена и “Записках из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 95–100. DOI: 10.31857/S160578800026319-6

“Mad People All Around”: Universal Insanity in A. I. Herzen’s “Doctor Krupov” and F. M. Dostoevsky’s “Notes from the Dead House”

© 2023 Mi Xuyang

Graduate student at the Institute of Russian Literature
(the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
mixuyang@hotmail.com

Abstract. Dostoevsky’s “Notes from the Dead House” shows the influence of Herzen not only in its ideological basis, but also in its artistic details. Its portrayal of universal insanity bears a strong resemblance to some thoughts from the psychiatric treatise of Alexander Herzen’s Dr. Krupov. In contrast to Herzen’s notions of environmental determinism, Dostoevsky sees insanity as a manifestation of one’s repressed personality. Thus, in “Notes from the Dead House” he continues his struggle with the theory of environment, which he had already begun since “The Poor People”.

Key words: Dostoevsky, Herzen, nobility, natural school, environmental determinism, madness, insanity.

For citation: Mi Xuyang. “Krugom sumasshedshiye”: tema vseobshchego bezumiya v “Doktiire Kruoive” A.I. Gertsena i “Zapiskakh iz Myertvogo doma” F.M. Dostoevskogo [“Mad People All Around”: Universal Insanity in Alexander Herzen’s “Doctor Krupov” and Fyodor Dostoevsky’s “Notes from the Dead House”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 95–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026319-6

Герцена по праву можно считать “вечным спутником” Достоевского. Уже в начале своей писательской карьеры в письме к брату Достоевский называет Герцена-Искандера “особенно замечательным” из “соперников” [1, т. 28, кн. 1, с. 120]. Исследователи С.Д. Гурвич-Лищинер [2],

В.А. Туниманов [3], Е.Н. Дрыжакова [4] и другие (см.: [5]; [6, с. 92—96]) нарисовали всеохватывающую картину их творческого диалога. Особенный интерес представляет первая половина 1860-х годов, когда влияние идей Герцена на Достоевского достигло кульминации. В работах А.С. Долинина [7, с. 101—162], Дж. Франка [8, с. 230—233], а также в комментариях к томам академического издания Полного собрания сочинений Достоевского отмечено, что “почвенничество” писателя в значительной степени опирается именно на идейную позицию Герцена.

Кроме того, публицистика и художественные произведения Достоевского этого периода изобилуют явным и скрытым герценовским интертекстом. Впрочем, в последнее время появились работы, в которых показано, что и во второй половине 1860-х годов в таких произведениях Достоевского, как роман “Идиот” и рассказ “Вечный муж”, есть существенные отзвуки произведений, личности и даже личной жизни Герцена ([9, с. 127]; [10]).

1

До настоящего времени исследователи не обращали достаточного внимания на одно из центральных произведений этого периода Достоевского — “Записки из Мертвого дома”¹. Как и в ряде других текстов писателя начала 1860-х годов, идеи Герцена, с одной стороны, составляют значительную часть идейной основы “Записок...”, а с другой — Достоевский иногда пытается скрыто полемизировать с “лондонским затворником”. Прежде всего это касается характера решения общей для этих двух писателей темы всеобщего безумия.

Прежде чем на ней сосредоточиться, отметим несколько совпадений основных тезисов “Записок...” с идеями Герцена. В первую очередь это относится к вопросу о расслоении русского общества на дворянство и простолюдию и, по выражению Достоевского, «“глубочайшей бездне” между ними» [12, т. 4, с. 220]. У Герцена в статье “Русские немцы и немецкие русские” есть очень близкое высказывание на этот счет: “У нас расстояние между народом и либеральным дворянством казалось тем страшнее, что между ними ничего не было, какая-то бесконечная пустота” [13, т. 14, с. 177].

Преодоление этой “глубочайшей бездны” и “бесконечной пустоты” — одна из ключевых задач почвенничества Достоевского. Впрочем, в “Записках...” она кажется рассказчику скорее неодолимой.

¹ Есть отдельные упоминания о жанровом влиянии “Былого и дум” на них в работах Г.М. Фридендера и С.Д. Гурвич-Лицинер ([11, с. 93—96]; [2, с. 191—192]).

Однако в дальнейшем Достоевский в своей публицистике будет непрестанно рассматривать возможность решения этой проблемы вплоть до пафосного призыва в “Пушкинской речи”: “Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве” [1, т. 26, с. 139].

Именно из-за этой “глубочайшей бездны” в своей статье “Русский народ и социализм” Герцен констатировал, что “все элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу”. Поэтому, совершив преступление против дворянства и начальства, перед судом мужик знает, что “если у него есть деньги, то он будет прав, если нет — виноват”, а “решение [суда] кажется ему делом произвола или случайности” [13, т. 7, с. 319—321]. Достоевский тоже по этому поводу заметил: “...не может быть, <...> чтоб они считали себя совсем виновными и достойными казни, особенно когда согрешили не против своих, а против начальства. Большинство из них совсем себя не виныло. <...> Преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простолюдины, которое никогда <...> его окончательно не осудит, а большею частию и совсем оправдает” [12, т. 4, с. 163].

Неудивительно, что оба писателя этим фактом объяснили именование преступников “несчастливыми” у русского народа. Герцен пишет: “Приговор суда не марают человека в глазах русского народа. Ссылные, каторжные слывут у него несчастными” [13, т. 7, с. 321]. А у повествователя Достоевского: простой народ “никогда не корит арестанта за его преступление, как бы ужасно оно ни было, и прощает ему всё за понесенное им наказание и вообще за несчастье. Недаром весь народ во всей России называет преступление несчастьем, а преступников несчастными” [12, т. 4, с. 49]. Хотя тут необходимо оговориться, что впоследствии в “Дневнике писателя” Достоевский будет трактовать такое название преступников совсем по-другому [1, т. 21, с. 8—23].

На этом фоне концовка “Записок...” Достоевского еще более обращает на себя внимание своим герценовским подтекстом: “Ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?” [12, т. 4, с. 257]. Постановка вопроса и, разумеется, сам венчающий ее риторический вопрос буквально отсылают читателей к роману Герцена “Кто виноват”. Ср. собственные

слова автора на его заключительных страницах: “Идучи мимо обгорелого дома, почерневшего от дыма, без рам, с торчащими трубами, мне самому приходило иной раз в голову: если б не запала искра да не раздулась бы в пламень, дом этот просто-ял бы много лет, и в нем бы пировали, веселились, а теперь он — груда камней. Повесть наша, собственно, кончена; мы можем остановиться, представляя читателю разрешить: **кто виноват?**” [13, т. 4, с. 188] (здесь и далее все выделения мои. — *М.С.*)

2

Безумие — один из устойчивых лейтмотивов беллетристики Герцена. Как отметил В.А. Путинцев, он не только доминирует в повести “Доктор Крупов”, но и встречается в ранних произведениях писателя “Записки одного молодого человека” и “Сорока-Воровка” [14, с. 93]².

Что же касается главного героя повести “Поврежденный” “светло-зеленого помещика”, то в нем исследователи видят предшественника то князя Мышкина в “Идиоте” [3, с. 39], то Кириллова в “Бесах” [15, с. 32]. Теорию доктора Крупова он фактически довел до космологической масштабности: “Земной шар или неудавшаяся планета или больная. <...> История сгубит человека. <...> Мы погибшие люди, мы жертвы вековых отклонений и платим за грехи наших праотцев, где нас лечить!” [13, т. 7, с. 370–371, 375].

В период работы над “Записками из Мертвого дома” Достоевский явно хорошо помнит доктора Крупова и его теорию. Почти одновременно с началом публикации “Записок...” в “Русском мире” в первом номере “Времени” появилась статья Достоевского “Петербургские сновидения в стихах и прозе”. В ней он упомянул некоего “нового Гарпагона”, которого, по его мнению, “нужно отнести к замечательным субъектам доктора Крупова” [1, т. 19, с. 72].

Поскольку “Записки...” Достоевского также изобилуют сценами всеобщего безумия, то у их читателя временами возникает впечатление, что вообще весь рассказ ведет приверженец теории доктора Крупова: арестант “часто терпит несколько лет, смиряется, выносит жесточайшие наказания и вдруг прорывается на какой-нибудь малости, на каком-нибудь пустяке, почти за ничто”, поэтому иные называют его “сумасшедшим”

[12, т. 4, с. 16]. Арестанты к деньгам жадны “до су-дорог, до омрачения рассудка”, но “в то же время так безрассудно, с таким ребяческим бессмыслием” тратят их [12, т. 4, с. 71–72].

Арестант дворянского происхождения (невинный “отцеубийца”) также “нерассудительный в высшей степени человек” [12, т. 4, с. 17]. Даже начальник острога “восьмиглазый” плац-майор “озлоблял уже озлобленных людей своими бешеными, злыми поступками” [12, т. 4, с. 15]. В конце концов, самого повествователя Горянчикова во “Введении” тоже называют “положительно сумасшедшим”, “мнительным до сумасшествия”, а его “Записки...” оказывается, “писаны в сумасшествии” [12, т. 4, с. 6–7, 9]³.

Нельзя не учитывать и добровольных палачей в лице поручика Жеребятникова, в которых “тиранство <...> развивается, наконец, в **болезнь**”, и в результате “возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен” [12, т. 4, с. 171].

Упоминание имени маркиза де Сада в рассуждении о духовной деградации палачей — также многозначительная деталь. Как отметил Мишель Фуко в своем исследовании по истории восприятия безумия в европейской культуре, личность и творчество де Сада тесно связаны с “образами Крепости, Камеры, Подземелья, Монастыря, Недоступного острова, которые служат как бы естественной средой неразумия”. Поэтому вся современная ему “литература фантастики, безумия и ужаса” в качестве места действия выбирает “святых изоляции” [18, с. 361], к которым относится, безусловно, и острог Достоевского. Недаром почти сразу после большого отступления, посвященного этим уже патологически извращенным палачам, Горянчиков стал рассказывать о “настоящих сумасшедших”, которых приводили в госпиталь “на испытание” [12, т. 4, с. 176].

Однако то, что Крупов в повести Герцена называет сумасшествием, — на самом деле всего лишь бытовые глупости и нравственные пороки, или нелепости социального неравенства и угнетения. В отличие от него, повествователь “Записок...” обычно удерживается от отождествления парадоксального поведения своих союзников и

² Например, в “Записках одного молодого человека”, характеризуя малиновцев, повествователь сказал, что “больные в доме умалишенных меньше бессмысленны” [13, т. 1, с. 293]. А в “Сороке-Воровке” Анета на сцене произвела на рассказчика такое впечатление: “кругом сумасшедшие, — их называют судьи”, так как “никто из них не может понять, что с этим лицом и с этим голосом нельзя быть виноватой” [13, т. 4, с. 224].

³ Влияние “Доктора Крупова” на Достоевского — отнюдь не единичное явление. Тождество современной цивилизации с всеобщим безумием неоднократно встречается и у Л.Н. Толстого в его публицистике (“Исповедь”, “О безумии” и др.) и дневниковых записях. По мнению исследователей, эти идеи Толстого в значительной степени восходят именно к “Доктору Крупову” и “Поврежденному” Герцена. Подробно см., например: [16, с. 259–263]; [14, с. 30]; [17].

сумасшествия в медицинском смысле этого слова, хотя оно в действительности гораздо ближе к патологии и нередко вызывает более серьезные последствия. Почти единственное исключение из этого составляли те “настоящие сумасшедшие”, чье присутствие в госпитале стало “истинной карой Божией для всей палаты” [12, т. 4, с. 176]⁴.

Разница в определении объясняется в первую очередь разными художественными задачами, стоящими перед двумя писателями. Если Герцен в своей повести ведет “сатирическое обозрение общественных нравов” [20, с. 118], то Достоевский в “Записках...” производит в первую очередь документацию своего опыта пребывания в остроге, и только потом на ее основе он пытается “разгадывать тайну” этого чуждого ему мира простонародья.

Однако гиперболические выводы, легкомысленная ирония и сугубо материалистический взгляд на мир доктора Крупова могли и отталкивать Достоевского. Много лет спустя, уже после значительного охлаждения отношений с Герценом и смерти последнего, он писал Н.Н. Страхову, что “поэт берет в нем [Герцене] верх везде и во всем, во всей его деятельности. <...> Это свойство его натуры <...> много объяснить может в его деятельности, даже его легкомыслие и склонность к каламбуру в высочайших вопросах нравственных и философских (что, говоря мимоходом, в нем очень претит)” [1, т. 29, кн. 1, с. 113].

Здесь снова стоит сделать оговорку, что между позициями Герцена и Крупова есть амбивалентная дистанция. С одной стороны, как отметила С.Д. Гурвич-Лишинер, в повествовании “Доктора Крупова”, которое “стилизуется под специальный психиатрический трактат”, сгущается атмосфера авторской иронии, направленной на “узость мировоззренческой базы” Крупова [20, с. 119–120], а с другой стороны, позднее Герцен сам повторил некоторые тезисы доктора Крупова о всеобщем безумии в главе “Роберт Оуэн” из “Былого

⁴ Среди них есть и тот “странный сумасшедший”, который уверен, что его спасет выдуманная им в припадке страха перед экзекуцией любовь дочери полковника Г. По наблюдению И.П. Смирнова, данный эпизод является переосмыслением судьбы Поприщина в “Записках сумасшедшего” Н.В. Гоголя. Вкупе с другими гоголевскими интертекстами в “Записках из Мертвого дома” этот эпизод подчеркивает «невозможность сплетения вымысла, кажимости с правдой, с фактами в той среде, которую передавал в своих воспоминаниях Горянчиков. “Effet de réel”, по мнению исследователя, добывается писателем из интертекстуальной операции, десимволизирующей замещение, на котором основывался сюжет литературного источника» [19, с. 74–75]. Можно сказать, что стремлением к “Effet-y de réel” объясняется и отвращение писателя к “легкомыслию и склонности к каламбуру” Герцена (см. ниже).

и дум”⁵. Если в первом случае такая дистанция между автором и повествователем была представлена как своего рода литературная игра, то во втором случае о расстоянии между повествователем и автором уже не может быть и речи.

Исходя из подобного расхождения, можно предположить, что и генезис всеобщего сумасшествия воспринимается ими по-разному. Доктор Крупов, в соответствии с духом “натуральной школы” 1840-х годов, во всем обвиняет среду: “Люди окружены целой атмосферой, призрачной и одуряющей, всякий человек более или менее, <...> с малых лет, при содействии родителей и семьи, приобщается мало-помалу к эпидемическому сумасшествию окружающей среды <...>; вся жизнь наша, все действия так и рассчитаны по этой атмосфере, в том роде, как нелепые формы ихтиосауров, мастодонтов были рассчитаны и сообразны первобытной атмосфере земного шара” [13, т. 4, с. 266–267].

Однако повествователь Достоевского называет совсем иную причину: “Может быть, вся-то причина этого внезапного взрыва в том человеке <...> — это тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя, свою приниженную личность, вдруг появляющееся и доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог” [12, т. 4, с. 72–73].

Задача “Записок...” Достоевского и, в некоторой степени, всего его творчества состоит именно в “разгадывании тайны” [1, т. 28, кн. 1, с. 63] — “самого зерна” человека, его личности, которая покрыта “наружной, наносной корой” [12, т. 4, с. 135], т.е. внешней патологией. Недаром по мере движения повествования в “Записках...” все реже и реже встречаются рассуждения о безумном поведении арестантов, поскольку оно оказывается всего лишь “отвратительной корой” [12, т. 4, с. 198], относящейся к “первым впечатлениям” Горянчикова.

Узость медицинского материализма и детерминизма среды доктора Крупова, понизивших личность человека до уровня “ихтиосауров, мастодонтов”, могла вызывать у Достоевского

⁵ Эта глава впервые была опубликована в середине марта 1861 г. в 6-й книге “Полярной звезды”. О знакомстве Достоевского с содержанием книги свидетельствуют его заметки к неопубликованной статье “Социализм и христианство” (см.: [21, т. 1, с. 386]). К этому времени Достоевский опубликовал только четыре первые главы своих “Записок...”, а дальнейшие главы выйдут в свет уже через полгода, в сентябре. Таким образом, знакомство с этой главой герценовских воспоминаний, вероятно, происходит одновременно с работой над “Записками...”. Можно предположить, что оно не только освежило в памяти Достоевского теорию доктора Крупова, но и дало основания для сближения позиции Крупова с личностью самого Герцена.

отталкивание. Возможно, этим и объясняется решение его повествователя вставить большое отступление по поводу теории среды именно при упоминании врачей-“отступников”: “Что бы ни представляли в свое оправдание, как бы ни оправдывались, например, хоть *средой*, которая заела и их в свою очередь, всегда будут неправы, особенно если при этом потеряли и человеколюбие. <...> Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела” [12, т. 4, с. 158] (курсив автора. – М.С.).

Соотношение человека и среды было едва ли не важнейшей темой писателей “натуральной школы”. В качестве одного из ее представителей Достоевский, как отметила О.А. Богданова, уже с романа “Бедные люди” вступил в полемику с доминирующей тогда жесткой зависимостью человека от сформировавшей его действительности. И именно благодаря новизне, которую внес в эту школу Достоевский, в литературе “натуральной школы” произошло освобождение личности от детерминизма среды [20, с. 152–162]. Начиная с “Записок из Мертвого дома”, Достоевский стал более активно и открыто полемизировать с “теорией среды”, особенно с ее применением в криминологической и юридической сферах, а этот поворот произошел, как мы видим, не без влияния герценовского доктора Крупова.

3

Отголосок доктора Крупова и его теории слышен также и в “пятикнижи” Достоевского. Заметнее всего он в образе Зосимова из “Преступления и наказания”, который хотя “по специальности своей – хирург” (доктор Крупов тоже хирург по образованию), “помешался теперь на душевных болезнях”.

Не в силах лечить недуг Раскольников, Зосимов решает, что тот “сумасшедший или близок к тому” [12, т. 6, с. 165]. А на замечание Дуни: “да ведь этак, пожалуй, и здоровые так же” – уверенно отвечает: “...все мы, и весьма часто, почти как помешанные. <...> А гармонического человека <...> совсем почти нет” [12, т. 6, с. 194]. Как бы в тени доктора Крупова, возможно, оказывается и частично носящий фамилию его создателя доктор Герценштубе в “Братьях Карамазовых”, который уверенно определил поведение Смердякова и Дмитрия Карамазова как помешательство. Однако эти соображения, разумеется, нуждаются в более детальной аргументации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. *Лищинер С.* Герцен и русская “интеллигентная проза” // Вопросы литературы. 1976. № 4. С. 172–195.
3. *Лищинер С.Д.* Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 37–61.
4. *Туниманов В.А.* “Вольное слово” А.И. Герцена и русская литературная мысль XIX века // Русская литература. 1987. № 1. С. 100–112.
5. *Дрыжакова Е.Н.* Достоевский и Герцен (У истоков романа “Бесы”) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 219–239.
6. *Бабаев Э.Г.* Из истории русского романа XIX века (Пушкин, Герцен, Толстой). М.: Изд-во МГУ, 1984. 270 с.
7. *Долинин А.С.* Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Долинин А.С. Достоевский и другие. Л.: Худож. лит., 1989. С. 101–163.
8. *Frank J.* Dostoevsky. The Years of Ordeal. 1850–1859. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 320 p.
9. *Кибальник С.А.* Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности // Кибальник С.А. Чехов и русская классика. Проблема интертекста. Статьи, очерки, заметки. СПб.: Петрополис, 2015. С. 115–131.
10. *Кибальник С.А.* Криптографическая поэтика рассказа Ф.М. Достоевского “Вечный муж” (черновые наброски и биографический подтекст) // Русская литература. 2021. № 4. С. 108–122.
11. *Фридлиндер Г.М.* Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.
12. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Наука, 2013–.
13. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1954–1965.
14. *Путинцев В.А.* Герцен-писатель. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 239 с.
15. *Туниманов В.А.* А.И. Герцен и общественно-литературная мысль XIX в. СПб.: Наука, 1994. 216 с.
16. *Розанова С.А.* Толстой и Герцен. М.: Худож. лит., 1972. 303 с.
17. *Матвеева Е.В.* Интертекстуальная природа метафоры поздних публицистических произведений Л.Н. Толстого // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2001. Вып. 3. Ч. 2. С. 437–444.
18. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
19. *Смирнов И.П.* Текстотаксия. Как литература отзывается на философию. СПб.: Петрополис, 2010. 208 с.
20. “Натуральная школа” и ее роль в становлении русского реализма / Ред. И.П. Видуэцкая. М.: Наследие, 1997. 240 с.

21. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. / Ред. Г.М. Фридлиндер, Н.Ф. Буданова. СПб.: Акад. проект, 1999.

REFERENCES

- Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works in 30 Vols]. Leningrad, 1972–1990. (In Russ.)
- Lishchiner, S. *Gertsen i russkaya “intelligentnaya proza”* [Herzen and Russian “Intelligent Prose”]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1976, No. 4, pp. 172–195. (In Russ.)
- Lishchiner, S.D. *Gertsen i Dostoevskiy. Dialektika dukhovnykh iskaniy* [Herzen and Dostoevsky. Dialectics of Spiritual Quest]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1972, No. 2, pp. 37–61. (In Russ.)
- Tunimanov, V.A. “*Volnoe slovo*” A.I. Gertsena i russkaya literaturnaya mysl XIX veka [A.I. Herzen’s “Free Word” and Russian Literary Thought in the 19th Century]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1987, No. 1, pp. 100–112. (In Russ.)
- Dryzhakova, E.N. *Dostoevsky i Gertsen (U istokov romana “Besy”)* [Dostoevsky and Herzen (On the Origin of the Novel “Demons”)]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Studies]. Leningrad, 1974, Vol. 1, pp. 219–239. (In Russ.)
- Babaev, E.G. *Iz istorii russkogo romana XIX veka (Pushkin, Gertsen, Tolstoy)* [From the History of the Russian Novel of the 19th Century (Pushkin, Herzen, Tolstoy)]. Moscow, 1984. 270 p. (In Russ.)
- Dolinin, A.S. *Dostoevskiy i Gertsen (K izucheniyu obshchestvenno-politicheskikh vozзreniy Dostoevskogo)* [Dostoevsky and Herzen (On Dostoevsky’s Socio-Political Opinions)]. Dolinin, A.S. *Dostoevskiy i drugie* [Dostoevsky and Others]. Leningrad, 1989, pp. 101–163. (In Russ.)
- Frank, J. *Dostoevsky. The Years of Ordeal. 1850–1859*. Princeton NJ, 1983. 320 p.
- Kibalnik, S.A. *Morfologiya romana Dostoevskogo i sovremennye problemy teorii intertekstualnosti* [Morphology of Dostoevsky’s Novel and Modern Problems of Intertextuality Theory]. Kibalnik, S.A. *Chekhov i russkaya klassika. Problema interteksta. Statji, ocherki, zametki* [Chekhov and Russian Classics. Problem of Intertext. Articles, Essays, Notes]. St. Petersburg, 2015, pp. 115–131. (In Russ.)
- Kibalnik, S.A. *Kriptograficheskaya poetika rasskaza F.M. Dostoevskogo “Vechnyy muzh” (chernovye nabroski i biograficheskij podtekst)* [Cryptographic Poetics of Dostoevsky’s “Eternal Husband” (Rough Sketches and Biographical Subtext)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2021, No. 4, pp. 108–122. (In Russ.)
- Fridlender, G.M. *Realizm Dostoevskogo* [Realism of Dostoevsky]. Moscow, Leningrad, 1964. 404 p. (In Russ.)
- Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 35 tomakh* [Complete Works in 35 Vols]. St. Petersburg, 2013–. (In Russ.)
- Gertsen A.I. *Sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works in 35 Volumes]. Moscow, 1954–1965. (In Russ.)
- Putintsev, V.A. *Gertsen-pisatel* [Herzen the Writer]. Moscow, 1952. 239 p. (In Russ.)
- Tunimanov, V.A. *A.I. Gertsen i obshchestvenno-literaturnaya mysl XIX veka* [A.I. Herzen and the Social-Literary Thought of the 19th Century]. St. Petersburg, 1994. 217 p. (In Russ.)
- Rožanova, S.A. *Tolstoy i Gertsen* [Tolstoy and Herzen]. Moscow, 1972. 303 p. (In Russ.)
- Matveeva E.V. *Intertekstualnaya priroda metaforiki pozdnikh publitsisticheskikh proizvedeniy L.N. Tolstogo* [Intertextual Nature of Metaphors in Late Publicist Works of L.N. Tolstoy]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. The Humanities]. 2001, Vol. 3, Part 2, pp. 437–444. (In Russ.)
- Fuko, M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [A History of Insanity in the Age of Reason]. St. Petersburg, 1997. 576 p. (In Russ.)
- Smirnov I.P. *Tekstomakhiya. Kak literatura otzyvaetsya na filosofiyu* [Textomachy. How Literature Responds to Philosophy.]. St. Petersburg, 2010. 208 p. (In Russ.)
- “*Naturalnaya shkola*” i eyo rol v stanovlenii russkoy realizma [“The Natural School” and Its Role in the Formation of Russian Realism]. Ed. by I.P. Viduet-skaya. Moscow, 1997. 240 p. (In Russ.)
- Letopis’ zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo v 3 tomakh* [A Chronicle of the Life and Work of F.M. Dostoevsky in 3 Volumes]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 21 декабря 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on December 21, 2023

Revised on January 27, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023